Это идиотское занятие – думать

Автор:
Джордж Карлин

Это идиотское занятие – думать

Джордж Карлин

Библиотека стендапа и комедии

«Это идиотское занятие – думать» – не просто мемуары известного человека, или, как говорил сам Карлин, – квазибиография, это практическое пособие для любого начинающего комика (как, возможно, не следует жить, но как точно надо шутить).

В 1993 году Джордж Карлин попросил своего друга и автора бестселлеров Тони Хендру помочь ему написать автобиографию. В течение почти пятнадцати лет в ходе множества разговоров, многие из которых были записаны, они обсуждали личную жизнь, определенные этапы карьеры и эволюцию Карлина как артиста. Когда в июне 2008 года Карлин умер в возрасте семидесяти одного года, а книга все еще не была опубликована, Хендра решил закончить ее, как того хотел бы его друг.

Содержит нецензурную брань.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Джордж Карлин при участии Тони Хендры

Это идиотское занятие – думать

перевод с английского

Печатается с разрешения Free Press, a Division of Simon & Schuster Inc., и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Copyright © 2009 by George’s Stuff

© Виктория Горпинко, перевод, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

«„Это идиотское занятие – думать“, посмертная автобиография Джорджа Карлина, – увлекательная история самопознания… Как летописец эволюции своего сознания Карлин неподражаем».

«Нью-Йорк таймс»

«Книга язвительная и трогательная одновременно. Вполне предсказуемо для человека, для которого не было ничего святого, а профанация стала нормой».

«Энтертейнмент Уикли»

«„Это идиотское занятие – думать“ дает ответ на главный вопрос: как и почему Карлин встал на путь политического протеста и слэм-поэзии, стал циником, полемистом и лицедеем, облекающим свои взгляды в юмористическую форму».

«Вашингтон пост»

«Глубоко и искренне…»

«Тайм»

«„Это идиотское занятие – думать“ создает ощущение, что он по-прежнему с нами, полный сил и готовый высмеивать лицемерную современную культуру».

«Вашингтон таймс»

* * *

Джордж Денис Патрик Карлин – один из самых успешных и влиятельных стендап-комиков всех времен. В «Вечернем шоу» он появился свыше ста тридцати раз, был первым ведущим шоу «Субботним вечером в прямом эфире». Карлин – единственный, кто сделал четырнадцать специальных программ для канала «Эйч-би-оу». Три его книги стали бестселлерами по версии «Нью-Йорк Таймс». Из двадцати трех сольных альбомов одиннадцать номинировались на «Грэмми», пять раз он уносил домой вожделенную статуэтку, в том числе за авторскую аудиоверсию своего бестселлера «Отпад мозга».

* * *

«Да ладно! Он же был тут минуту назад…»

Надпись, которую Джордж хотел бы видеть на своем надгробии —

если бы оно у него было

Вступительное слово Тони Хендры

Да, есть у меня одно идиотское занятие.

И называется оно – думать.

Дж. К.

Последние полвека в разных уголках Америки Джордж Карлин вечер за вечером выходил на сцену и бушевал, пускался в объяснения, кричал, отстреливался, вкрадчиво задавал вопросы, огрызался в ответ, целясь в прорехи на полиэстеровых штанах лицемерия, блюя на приличный чистенький смокинг, которым прикрывается мнение большинства, делая то, чего не делал никто из тех взаимозаменяемых комиков, которых тасуют во всех взаимозаменяемых шоу на канале «Камеди сентрал»[1 - Comedy Central – американский кабельный телеканал, специализирующийся на юмористических сериалах и развлекательных шоу.]: отдавался этому идиотскому занятию под названием думать.

За кулисами скромный и простой в общении, на сцене он изображал раздраженного и обескураженного обывателя, воплощение высшей ступени эволюции сообразительности – качества, с которым как с писаной торбой носилась американская мечта.

«Американской мечтой ее называют потому, что поверить в нее можно только не приходя в сознание!»

Всю жизнь он срывал пластыри, которыми заклеивали синяки и ушибы, и безжалостно расковыривал то, что обнаруживал под ними. В 70-е годы он обратился к истории своей жизни, записав уже признанный классикой альбом «Классный шут» и став главной движущей силой того комедийного направления, на которое навесили ярлык «ностальгическое», хотя на самом деле это было нечто гораздо более интересное и неоднозначное – дорогие сердцу воспоминания о бессмысленных унижениях.

В годы правления Рейгана он переключился на политику, насилие, язык, особенно официальный и псевдоофициальный, не говоря уже о такой важнейшей социальной проблеме, как домашние питомцы. В 90-е годы и позже, в нулевые, когда к власти пришел Буш, он взялся за более глобальные симптомы

глупости, присущей человечеству: война, религия, судьба планеты, консьюмеризм, катаклизмы, смерть, Господь Бог, гольф.

В отличие от многих своих ровесников, до самой смерти он оставался неподкупным, бескомпромиссным и непокорным. Он был жителем города, а не периферии, любил живой контакт, а не запись, свежий юмор, а не полуфабрикат. Его голос звенел вибрациями гарлемских улиц, которые его взрастили, вспарывая говенный средний класс, словно старая отточенная опасная бритва с рукоятью из слоновой кости. Поскольку проделывал он это в одиночку, без лишнего шума, вживую, часто в низкопробных заведениях, где-нибудь в Лас-Вегасе или в клубах для простых трудяг, стоило кому-нибудь намекнуть, что Джордж Карлин – большой артист, как многие артистократы вскидывали брови и даже бакенбарды. Но в зрелые годы он на самом деле стал им. Обладая уникальным даром, он был в равной мере актером, сатириком, поэтом и философом – и действительно выходцем из народа, а не супербогатой пародией на него, созданной стараниями масс-медиа. Артистом, которому определение «комик» подходило так же мало, как Фрэнсису Бэкону – «художник» или Би Би Кингу – «гитарист».

Эта книга написана не для того, чтобы кому-то что-то доказывать, хоть я и пытался направить повествование – насколько вообще можно влиять на ход рассказа от первого лица – таким образом, чтобы показать, как очень наблюдательный молодой артист с острым словно хирургический скальпель слухом сначала набивает руку на текстах, потом осваивается на сцене и наконец становится зрелым мастером, способным рассмешить так, что у вас перехватит дыхание, а потом вы едва не задохнетесь – от осознания бескомпромиссности, поэтичности, неповторимости и многогранности его языка. Я повидал немало людей, связанных с индустрией развлечений, но никто из них не был так далек от образа веселого беззаботного клоуна, как Джордж Карлин, никто лучше него не знал, что идеальная комедия – это искусство мрачной красоты.

Для меня эта книга – в первую очередь плод любви. Пятнадцать с лишним лет назад Джордж обратился ко мне с просьбой – помочь ему рассказать историю своей жизни, и по целому ряду причин, главным образом технических, мне не удалось довести дело до конца. Джордж много рассказывал о своей жизни разным людям и в разное время, но всегда хотел собрать эти истории под одной обложкой, отшлифовав их и доведя до совершенства. Он не скрывал, что принадлежит к анальному[2 - Анальный – тип личности (по Фрейду), которому, в зависимости от особенностей психологической фиксации, свойственны в одних

ситуациях – аккуратность, упрямство и бережливость, в других – беспорядочность и негативизм. Сам Карлин в книге не раз называет себя мистером Аналом.] психотипу, ему нравилось, что его работы можно сложить аккуратной стопкой на полке его жизненных достижений. Эта книга – одна из немногих его задумок, которых на этой полке не было.

До этого момента.

Я познакомился с Джорджем летом 1964 года. Он был тогда начинающим комиком, как и я (на самом деле я выступал в комедийном дуэте с Ником Аллеттом). Это произошло в легендарном кафе с не самым удачным названием «Оу гоу гоу», расположенном на Бликер-стрит в Гринвич-Виллидж. «Оу гоу гоу» воплощал дух Гринвич-Виллидж 60-х. Мрачное малоприятное место, черные стены, сцена из голых досок, полутьма, позволяющая тайком курить марихуану, притаившись за угловым столиком. Музыкальные величины уровня Стэна Гетца и Blues Project[3 - Рок-группа, одна из самых популярных команд 1960-х родом из Гринвич-Виллидж. Их музыка отмечена влиянием блюза, фолка, джаза, психоделии и ритм-энд-блюза.] записывали здесь альбомы, ставшие классикой, фолк-музыканты – Стивен Стиллз, например – превращались в рокеров, а такие перспективные комики, как Ричард Прайор и Лили Томлин, начинали показывать зубы.

Среди них был и Джордж. «Оу гоу гоу» стал его нью-йоркской базой – «лабораторией». Время от времени он представлял здесь тот материал, который ляжет в основу его «миссии Аполлон» на телевидении. Мы с Ником тоже пару раз выступали в «Оу гоу гоу», в частности на разогреве у Ленни Брюса в начале 1964 года. Это было наше первое появление на американской сцене – и незабываемое знакомство с Америкой. На третий вечер нашего клубного тура полиция арестовала Ленни, едва он спустился со сцены, якобы за обсценную лексику, но скорее – за насмешки над католиками. Он внес залог и на следующий вечер вышел на сцену с той же программой. Через неделю его снова задержали.

С одной стороны, с Джорджем нас связывал «Оу гоу гоу», с другой – Ленни: мы сблизились с ним, когда у него началась по-настоящему черная полоса. За четыре года до этого Ленни помог Джорджу стартовать в шоу-бизнесе, тогда Карлин еще работал в тандеме с телепродюсером Джеком Бернсом. Ленни был нашим кумиром: раскрыв рты, мы внимали его блестящим рискованным монологам, когда он, подобно Зорро, исхлестывал задницы своих жертв

сатирическими росчерками. Мы все хотели быть как Ленни, когда вырастем.

До конца 60-х мы с Джорджем по-дружески конкурировали. Мы выступали по всей Америке в тех же ночных клубах, что и он: «У мистера Келли» в Чикаго, «Голодный я» в Сан-Франциско… И на телевидении мы тоже впервые появились в «Шоу Мерва Гриффина» еще в старом его формате. Мы тоже увязали в том скучном болоте, которое являло собой развлекательное телевидение 60-х, и никогда не забудем наши мучения в чистилище «Шоу Эда Салливана». Шоу, из которого вырезались любые упоминания о социальных потрясениях и революционных беспорядках, бушевавших за стенами студии.

Джордж был ярким пятном на фоне этого болота (не сравнить с нами), и на стыке 60-х и 70-х удушающая атмосфера подтолкнула его, как и меня, к серьезным переменам. Джордж разработал радикально новый сатирический стендап, который мы все полюбили, а я стал первым редактором нового юмористического журнала «Нэшнл лэмпун». Мы снова конкурировали, на этот раз за огромную студенческую аудиторию – поколение бэби-бумеров дало щедрое потомство. В эти годы я видел Джорджа разве что на страницах нашего журнала, где «Атлантик рекордз» рекламировали его альбомы. Рядом пестрела реклама комедийных альбомов самого «Нэшнл лэмпун», первые два из них продюсировал я. Потом лет на десять наши пути разошлись.

В середине 80-х я решил отойти от сатиры, чтобы начать писать про сатиру. Книга под названием «Это уже слишком» рассказывала о протестном юморе, зародившемся в 50-е и приведшем к появлению уникального поколения комиков 60-х и 70-х. Как-то в разговоре с моим редактором я неосторожно проговорился, что называю это «бумер-юмором», и он настоял, чтобы я ввел в книгу этот сомнительный термин. В списке знаменитых комиков, у которых я собирался взять интервью, Джордж стоял одним из первых.

Он идеально воплощал мою основную идею: «бумер-юмор», выросший из инакомыслия и на него ориентированный, всегда конфликтовал с самым мощным оружием официальной Америки – телевидением. По способу рождения это был юмор текста или сцены – концертной, театральной или сцены ночного клуба. Живое выступление, минимум цензуры, часто импровизация, то есть по определению – неповторимость. Полная противоположность развлекательным программам в записи. Чтобы понять, что это, нужно было прийти туда самому.

Как и ряд других видных комиков – Ричард Прайор, Лили Томлин, Стив Мартин – Джордж оставался верен этому принципу, с начала 70-х почти полностью переключившись на живые концерты и появляясь на телевидении, только чтобы «прорекламировать себя». Самое известное его юмористическое эссе «Семь слов, которые нельзя произносить по телевизору» очень точно описывало этот антагонизм, делавший «бумер-юмор» таким привлекательным. Держался он очень стойко – за исключением короткого периода в конце 70-х, когда рисковал стать вторым Джонни Карсоном. К середине 80-х он оставался едва ли не единственным из знаменитых комиков, кто постоянно давал концерты.

Сцена для Джорджа отнюдь не была застоем или стагнацией. Наоборот, неподцензурная свобода живого выступления подталкивала развиваться вширь и вглубь, придавая его монологам такое своеобразие, размах и дьявольскую убедительность. Он оттачивал свое мастерство перед реальными людьми и для них, а не для анонимной пустоты, смотревшей на него из объектива камеры. Он доносил свое видение комического, опираясь на устную речь, жесты, интонации, паузы, ритм, умолчания, приподнятое плечо или бровь – на все те сценические приемы, которые камера обесценивает, искажает или просто упускает. Он покорял миллионы, вербуя преданных сторонников по несколько тысяч зараз. Он усвоил, что смех, как и политика, – это работа на местах. Чтобы понять, кто такой Джордж Карлин, нужно было самому это увидеть.

Он дал мне отличное интервью. Охотнее всех, с кем я беседовал, он рассказывал о своей профессии, о творческой эволюции и сатирическом взгляде на мир. И, что хочется отметить, на сцене и вне сцены он вел себя одинаково. Он был из тех, кто жил тем, что писал и что делал.

Мои интервью даже с такими гигантами «бумер-юмора», как Дик Грегори или Жюль Файффер, длились обычно около часа. С Джорджем мы настолько увлеклись общением, что целую неделю, если не дольше, записывали кассету за кассетой – начиная с его детства на Манхэттене в годы войны и заканчивая фильмом, в котором он только что снялся («Бешеные деньги» с Беттом Мидлером в главной роли). Сорок с лишним лет жизни, уникальные воспоминания.

Идеально для моей книги. Но еще удивительнее было обнаружить, как много у нас общего, – и это после долгих десяти лет работы на совершенно разных участках комедийного фронта. Мы оба выросли среди католиков, оба были одиночками, одержимыми природой комического и его проявлениями. У нас

было много общего: сходные предпочтения, идеи, опыт (например, участие в жутких развлекательных шоу 60-х), нам нравились или не нравились одни и те же комики. (Среди окружавших меня многочисленных авторов-юмористов никто не понял бы, какой ужас я испытывал при одном воспоминании о «Шоу Эда Салливана».) На этот раз мы общались не просто как коллеги по цеху. Мы очень сблизились. И очень много смеялись.

Джорджу исполнилось пятьдесят в 1987 году, и вскоре его сразил автобиографический вирус. В 1992 году он попросил меня прочитать, что он насочинял, ему это не очень нравилось. «Это» представляло собой около ста страниц с двойным междустрочным интервалом, охватывающих первые шесть лет его жизни, с избыточными, часто смешными подробностями, вперемежку со множеством довольно неловких «писательских» пассажей. Сто страниц шли одним блоком – это была первая глава. Я намекнул ему, что такими темпами первые шестьдесят лет его жизни займут тысячу страниц. Даже в эпоху толстых мемуарных кирпичей он бы всех переплюнул. «Потому ты эту хрень и читаешь», – сказал мне Джордж. Ему нужна была помощь.

Так начался долгий, непрогнозируемый, извилистый, спонтанный и довольно веселый процесс документирования жизни Джорджа Дениса Патрика Карлина, его творчества и его эпохи. У меня уже было десять-двенадцать часов отличного материала, собранного для книги «Это уже слишком». За следующие десять лет набралось еще сорок-пятьдесят часов записей наших разговоров и столько же часов устного общения. Процесс развивался непредсказуемо. Едва мы закончили первый этап работы, как я стал главным редактором сатирического журнала «Спай», а Джордж начал готовиться к съемкам в ситкоме «Шоу Джорджа Карлина» для телесети «Фокс». Работать мы могли лишь эпизодически: когда вдруг оказывались в одном городе. Через год «Спай» закрылся, ненамного дольше продержалось и «Шоу Джорджа Карлина». Тогда мы возобновили работу. Кассет становилось все больше, накапливались разные заметки, и я приступил к черновым наброскам первых глав.

Стал оформляться и жанр, который отвечал бы нашей задумке. Джордж не хотел называть это автобиографией: автобиографии писали только безмозглые политики и придурки из криминального бизнеса. Отбросили мы и нарциссический галлицизм «мемуары», усмотрев в нем лингвистическую помесь двух «я» – английского «me» и французского «moi». Джордж хотел показать, что его без малого сорокалетняя карьера неотделима от основных тенденций современной комедии, поэтому я стал добавлять фрагменты-связки о культурной

жизни в эти годы. Наконец через столько лет мы определились с жанром книги, совместившей биографию с автобиографией: квазибиография Джорджа Карлина. С тех пор мы ее так и называли.

В начале апреля 1997 года Бренде, жене Джорджа, диагностировали рак печени на терминальной стадии. Состояние ее резко ухудшалось, и буквально через пять недель она умерла – за день до шестидесятилетия Джорджа. Нашу работу пришлось притормозить. Бренда занимала очень важное место в квазибиографии, и с уходом жены его накрыла депрессия, продлившаяся около года.

Еще в начале 1997 года вышла его первая юмористическая книга в твердой обложке – «Отпад мозга». Она стала бестселлером, и Джорджа, как автора, это не могло не радовать. Он начал планировать вторую книгу – «Напалм и жвачка для рук». Своим чередом шла и подготовка квазибиографии. Мы по традиции время от времени встречались, чтобы обсудить, что нового произошло у него в жизни, какие из материалов можно доработать, а какие включить в книгу.

Выход «Напалма и жвачки для рук» планировался в конце апреля 2001 года. Промокампания книги включала вечер Джорджа в Театре гильдии сценаристов в Лос-Анджелесе – в рамках престижной серии лекций под названием «Писательский блок». Джордж попросил меня стать соведущим вечера и поговорить о новой книге, а также о его жизни и работе. Интеллектуальную планку мы задали довольно высокую – в зале собралось немало видных членов Гильдии сценаристов США – и, хотя поначалу ощущалась некоторая неловкость, мы смогли расслабиться и очень увлекательно побеседовать. Общаясь, мы оба поймали себя на мысли, что иначе и быть не могло – не зря же мы столько лет этим занимались. Мы просто представили публике наши спонтанные околобиографические разговоры, часто заводившие нас бог знает куда. Зрители, по всей видимости, остались довольны, вечер удался. (Хотя вопросы от авторитетного «Писательского блока» не дотягивали до заданной нами планки. Кто-то спросил: «Что вы смотрите по телевизору?» Другой вопрос был: «Как вы относитесь к нынешней плеяде комиков?»)

Итог вечера: квазибиография снова оказалась в центре нашего внимания, и мы опять обсуждали, реально ли издать ее следующей книгой. Очень типично для Джорджа – отмерять все по семь раз, прежде чем отрезать.

Обычно он сам выходил со мной на связь, присылая по электронной почте лихо закрученные скабрезные письма. Всякий раз, завидев во входящих ник «СнегменАл» (то есть Ал Слит, укуренный метеоролог), я знал, что стесняться в выражениях Джордж не будет. Я старался не уступать ему, мы обменивались парой-тройкой малоцензурных писулек, пока не договаривались, когда и где встретимся или созвонимся.

Однажды Джордж решил позвонить мне в Нью-Йорк без предупреждения. Меня дома не было, трубку взял мой одиннадцатилетний сын Ник, у которого в детстве был необычно низкий голос. Состоялся такой разговор:

НХ: Привет.

ДжК: Тони дома?

НХ: Нет. А кто это?

ДжК: Это Джордж Карлин. А вы кто?

НХ: Я его сын, Ник.

ДжК: О, Ник, как дела, мать твою?

НХ: Охуительно. А у вас как, мать вашу?

Через час, когда мы наконец созвонились, Джордж – к детям относившийся, как правило, скептически – похвалил Ника за сообразительность и остроумие. Я сказал, что в этом нет ничего удивительного: Ник рос на тех же улицах Верхнего Вест-Сайда и тех же баскетбольных площадках, что и Джордж пятьдесят лет назад.

Нам надо было решить, чем заканчивать книгу. По ощущению Джорджа, он сделал почти все, что планировал. О первых шестидесяти годах своей жизни он рассказал очень подробно и честно. Многое из того, что я узнал о нем и его жизни, он никогда никому не рассказывал, в наших разговорах всплыла масса интересных фактов. За исключением смерти Бренды, ничего особо примечательного за последние годы не произошло. Можно было коснуться этого

события или оборвать рассказ раньше. Нет никаких правил, обязывающих включать в книгу все, что с вами происходило. Иначе, по логике, взявшись за автобиографию, вы обязаны писать ее до самой смерти.

Мы решили, что вернемся к этому вопросу осенью, а пока Джордж займется раскруткой «Напалма и жвачки для рук». Помимо обычных выступлений, он готовил тур в поддержку книги, кульминацией которого должна была стать специальная программа для канала «Эйч-Би-Оу» в ноябре. Судьба распорядилась иначе, к нашему вопросу мы так и не вернулись. После событий 11 сентября 2001 года Джордж долго ломал голову над шоу для «Эйч-Би-Оу» и дополнил свою квазибиографию еще одним эпизодом в стиле черного юмора. «Напалм» оказался очень успешным, в списке бестселлеров по версии «Нью-Йорк таймс» он фигурировал двадцать недель подряд. Одноименная аудиокнига принесла Джорджу его четвертую «Грэмми». Мое имя тоже засветилось в числе бестселлеров – я участвовал в экстренно подготовленном издании о событиях 11 сентября. Это была книга памяти в фотографиях, «Братство», посвященная пожарному департаменту Нью-Йорка и 343 пожарным, погибшим во Всемирном торговом центре. Я выступил ее редактором и соавтором Фрэнка Маккорта. (Предисловие написали Руди Джулиани и Томас Ван Эссен. Вырученные деньги мы перевели пожарному департаменту Нью-Йорка.) К ноябрю, когда мы в следующий раз встретились с Джорджем на его специальном шоу для «Эйч-Би-Оу», литературная ситуация уже успела измениться. Издатель ждал от него еще одну юмористическую книгу в стиле «Напалма», а я искал покупателя для своей полуавтобиографии, рассказывающей о дружбе, которую я пронес через всю жизнь, с благочестивым и веселым монахом-бенедиктинцем по имени отец Джо. «Не переживай, – успокоил меня Джордж, – у нас прекрасная книга, никуда она не денется. Мы ее закончим».

Летом 2003 года я вынырнул из работы над «Отцом Джо» и связался с Джорджем. К этому времени у него снова обострились проблемы с сердцем – чтобы справиться с аритмией, ему необходима была абляция. Он как раз готовил новую юмористическую книгу под названием «Когда Иисус подаст свиные отбивные?», которое могло прозвучать оскорбительно для всех трех авраамических религий. (Когда она вышла в 2004 году, единственным религиозным учреждением, которое она оскорбила, оказалась торговая сеть «Уолмарт». На обложке, пародируя Тайную вечерю, был запечатлен Джордж, сидящий за столом в ожидании Иисуса, поэтому они отказались продавать книгу.)

Джордж всегда строил планы на долгосрочную перспективу, и вот на горизонте замаячила новая амбициозная идея, которая несколько раз всплывала в наших разговорах: завершить карьеру собственным шоу на Бродвее. За образец он взял блестящую, виртуозную игру Лили Томлин в пьесе Джейн Вагнер для одного актера «В поисках признаков разумной жизни во Вселенной», премьера которой состоялась в 1985 году; с тех пор постановка объездила весь мир. Свое шоу Джордж хотел построить на детских воспоминаниях, изложенных в квазибиографии, а когда шоу стартует, планировал наконец издать и книгу. Успех шоу подталкивал бы продажи книги, и наоборот. Решение казалось выигрышным, тем более что он рассчитывал и на мою помощь в подготовке бродвейской версии.

Миновал 2004 год. К тому времени, когда мы снова встретились, Джордж прошел курс реабилитации и вернулся к работе с обычным усердием. Но все чаще в его разговорах звучало, что он хотел бы сбавить обороты и, возможно, сойти с дистанции. Тогда у него появилось бы время, чтобы закончить свою «бродвейскую штуку». Здоровье его ухудшалось, после специального шоу для «Эйч-Би-Оу» 2005 года он пережил остановку сердца, но стоило заговорить о следующем этапе его продолжительной и впечатляющей карьеры, как он уверял, что все планы остаются в силе.

Джордж мечтал вернуться домой победителем, завоевать родной город, покорив Бродвей – территорию волшебства, где мальчишкой он обегал все служебные входы и выходы, собирая в толстый альбом автографы. Он не дожил до этого дня, его мечта не сбылась. Но, по крайней мере, история его жизни – рассказанная его словами – увидела свет.

Слова он любил больше всего на свете.

1

Старик и солнечный луч

Голышом выскользнуть головой вперед через влагалище и приземлиться на выходе из свежевыбритой промежности кричащей женщины – сомневаюсь, что именно для этого я был предназначен Господом. Уж точно не для такого старта.

И, в отличие от многих, я не мог похвастаться, что мать смотрела на меня с обожанием. Скорее – потухшим взглядом.

Я был зачат в сыром, припорошенном песком номере отеля «Керли» на Рокэвэй-Бич, Нью-Йорк. В августе 1936 года. В ту субботу заголовки в «Нью-Йорк пост» сообщали: «Нас ждут жаркие, душные, дождливые выходные. Высокая влажность и температура 32 градуса. Миллионы людей спасаются на пляжах».

В театре «Парамаунт» на Таймс-сквер идет «Ритм на кручах» с Бингом Кросби и Фрэнсисом Фармером в главных ролях. А в это время в отеле «Керли» на 116-й улице на Рокэвэй-Бич Мэри и Патрик Карлин играют главные роли в другом мрачном католическом римейке «Ритм в постели».

Уже не одно поколение не просыхающих молодых ирландцев Нью-Йорка за сексом и солнцем отправляется по выходным на Рокэвэй-Бич. Вопреки расхожему предубеждению, ирландцы получают удовольствие от секса – как минимум последние секунд десять или около того. Но, чего греха таить, прелюдия по-ирландски обычно сводится к вопросу: «Ты не спишь?» Или к чуть более заботливому и чуткому: «Давай, Агнес, постарайся!»

Не то чтобы я задумывался как плод любви двух юных созданий, потерявших голову от страсти и крепкого вина. К тому времени, когда нетерпеливые, подогретые виски сперматозоиды моего отца дорвались до материнского сектора «Яйцеклетка месяца», ей было сорок, а ему сорок восемь – достаточно взрослые, чтобы не забыть про резинку. И это было не единственное, что могло помешать моему появлению на свет: тот уик-энд являл собой одинокий праздник секса без продолжения, прервавший разлуку длиной в год с лишним. Вообще-то все предыдущие шесть лет брака мои родители только то и делали, что надолго расставались, изредка внезапно мирились и по случаю занимались сексом.

Разлучались они надолго, потому что у отца была непереносимость алкоголя. Напиваясь, он кидался на людей.

Мать говорила, что отец поднял на нее руку только один раз (моему старшему брату Патрику в этом плане повезло гораздо меньше). Первый брак отца закончился трагедией: он избил жену, ей стало плохо с сердцем, и она умерла. У матери была своя теория на этот счет: хотя в случае со своей первой семьей и Патриком мой отец легко распускал руки, ее он не обижал потому, что у нее

было четыре брата и отец, который служил в полиции.

Они мирились всегда неожиданно – отец был мастер вешать лапшу на уши. Ну и мать его очень любила. Они с ума сходили друг по другу. Те, кто знал их, говорили, что это была прекрасная пара, одна из лучших. И все-таки, хотя своим появлением на свет я и обязан чему-то хорошему и позитивному, на момент рождения я уже стал большой проблемой. Их брак давно катился под уклон. Он был обречен.

Быть зачатым оказалось задачей не из легких. А сохранение беременности требовало чуда в буквальном смысле слова. Моя следующая встреча с небытием состоялась спустя два месяца после потного секс-уик-энда на Рокэвэй-Бич.

За те пять лет, что отделяли рождение моего брата от того момента, когда мой крошечный эмбрион вцепился в несколько квадратных миллиметров на стенках ее матки, моя мать несколько раз посещала доктора Саншайна на Греймерси-сквер. Заметьте, об аборте речь никогда не шла. Матерь Божья, нет! Означенная процедура именовалась «дилатация и кюретаж», простым языком – расширение и выскабливание. Исключительно деликатный эвфемизм для небогатых квазикатоликов. И оцените высокий стиль: Греймерси-сквер – идеальное место, чтобы подвергнуться расширению и выскабливанию. Не хватало еще, чтобы отец оплачивал какие-то подпольные аборты!

Если верить легенде, мать сидела в ожидании приема у доктора Саншайна бок о бок с моим отцом, который, как человек семейный, читал спортивные новости и, видимо, отлично себя чувствовал, несмотря на то, что я находился в каких-то тридцати метрах от ливневой канализации. Стерильные инструменты хорошего доктора лежали наготове. Пожилой расширятель-и-выскабливатель выбрал новенькую пару резиновых перчаток и, весело насвистывая, натягивал их, готовясь меня устранить.

Но тут кое-что произошло. Мою мать посетило видение. Случается, что, когда вы пытаетесь появиться на свет, вся эта религиозная байда может оказаться полезной. Не то чтобы настоящее видение, типа лица Иисуса Христа из лобковых волос, слипшихся на дне душевой кабины. Но достаточно реальное, чтобы спасти мою зачаточную задницу. Мать утверждала, что рассмотрела лицо своей драгоценной умершей мамочки, покинувшей этот мир шестью месяцами ранее, на картине, висевшей в приемной на стене. Она восприняла это как знак: мамочка с того света не одобряет ее поступок. (Католикам такое нравится.) Она

вскочила и выбежала из операционной, оставив меня дозревать в своей печке. Уже внизу, на улице, посмотрев на отца, она произнесла эпохальные слова: «Пэт, я рожу этого ребенка».

Вот так я и уцелел, избежав процедуры, которую Церковь не одобряет, благодаря переживанию, которое Церковь только приветствует. Странно, но это никак не повлияло на мою религиозность. Вы, наверное, удивитесь, но я поддерживаю право женщины на аборт. Целиком и полностью. Конечно, если речь не идет обо мне и моей матери.

Как отреагировал отец на этот радикальный поворот, история умалчивает. Можно не сомневаться, что он отправился на поиски ближайшей точки, где легально наливали алкоголь. В конце концов, это тот же человек, который по дороге домой из больницы, где моему брату только что удалили миндалины, заявил: «Знаешь, сколько пива можно было купить на те деньги, которые я выложил за твои проклятые миндалины?»

В октябре 1936 года, вскоре после этого прерванного прерывания беременности, Мэри и Пэт решили попытаться еще раз реанимировать свой брак. Так они и оказались здесь, на 155-й улице по Риверсайд-драйв, в новом симпатичном доме, с новой горничной и, понятное дело, со старыми проблемами. Должен сказать, что хотя пьянство отца, конечно, изрядно попортило всем нервы, но жить с моей матерью было ох как нелегко. Она была избалованной, самовлюбленной, упрямой и требовательной. С кем бы она ни имела дело, она всегда умудрялась настоять на своем, да благословит Господь ее душу.

И тем не менее, пока я рос и развивался внутри нее, дела шли довольно гладко и они оставались вместе. Однажды, в мае 1937 года, мать решила прогуляться по новому мосту Джорджа Вашингтона. Физические усилия спровоцировали преждевременные схватки, и через пару дней я устремился вперед по родовому каналу – четырехкилограммовый увалень, которому пришлось помогать щипцами. Мать настаивала, чтобы мне ни в коем случае не сжимали виски, иначе, как она изящно выразилась, «у нее родится идиот». Для нее это было почти так же важно, как и тот факт, что роды у нее принимал доктор Джеймс А. Харрар, «доктор с Парк-авеню», приведший в этот мир ребенка Линдберга[4 - Чарльз Линдберг (англ. Charles Lindbergh) – американский летчик, первым совершивший одиночный перелет через Атлантику. В марте 1932 года его сын, Чарльз Линдберг-младший, в возрасте 1 года и 8 месяцев был похищен из дома. После выплаты выкупа похитителям ребенка так и не вернули. Его труп был

обнаружен спустя пару месяцев в нескольких километрах от дома.].

Момент для появления на свет я выбрал удачный. Это был день восшествия на престол английского короля Георга VI и выпуска памятной марки – голова короля с датой моего рождения: 12 мая 1937 года. Как вам такое? Ирландский пацан из Нью-Йорка по имени Джордж удостаивается охрененной марки в честь дня своего рождения! Стоит ли удивляться, что я всегда был последовательным монархистом. А еще я родился примерно через неделю после катастрофы «Гинденбурга»[5 - Жесткий дирижабль «Гинденбург», построенный в Германии в 1936 году (самый большой в мире на тот момент), потерпел крушение 6 мая 1937 года в Лейкхерсте, штат Нью-Джерси, заходя на посадку после трансатлантического перелета. В результате пожара, охватившего наполненный гелием каркас, погибло 35 из 97 человек на борту и один человек на земле. Одна из самых резонансных катастроф XX века.]. Я не раз задумывался, не стал ли я реинкарнацией какой-нибудь поджаренной нацистской шишки.

В палате нью-йоркской больницы первым решительным действием, предпринятым мной на этой планете, была рвота. Меня рвало, и рвало неудержимо. Первые четыре недели я жил только для того, чтобы струеобразно блевать. Потом мать с нескрываемой гордостью рассказывала мне: «Сколько ни пытались тебя накормить, ты оплевывал смесью всю палату. В тебе ничего не задерживалось». Да и впоследствии тоже ничего не изменилось. Эта замечательная неспособность удерживать что-либо внутри, извергая все в публичное пространство, очень пригодилась мне в жизни. В нью-йоркской больнице я пережил еще и обрезание – варварскую процедуру, призванную как можно раньше довести до вашего сведения, что своими гениталиями вы не распоряжаетесь.

Мой первый дом – Воксхолл, 780-й номер по 155-й улице на Риверсайд-драйв – был, если верить моему брату, «шикарным». Новая дорогая мебель, гостиная ниже уровня пола, потрясающий вид на реку Гудзон и – Аманда, сильная, солидных размеров чернокожая женщина, перед которой робел даже наш отец. Она защищала нас с Патриком, когда у отца случались срывы, а это бывало часто. Его напряженные тренировки регулярно проходили в баре при мясном ресторане «У Мэгваера» на Верхнем Бродвее. Пока мать воображала, что живет в эпоху Марии-Антуанетты, и, сидя за обеденным столом, звонила в колокольчик, чтобы Аманда подавала следующее блюдо. В оправдание своему старику скажу, что, когда такое выкидывает дочь нью-йоркского полицейского, любой удерет в бар опрокинуть пару стаканчиков.

Как-то раз Пэт Старший, подзарядившись этиловым спиртом, ввалился домой довольно поздно, и Мэри завела свою пластинку, мол, «что толку устраивать в доме всю эту красоту, если мы даже не обедаем вместе, бла-бла-бла». Во время последовавших дебатов, чтобы лучше донести свою заковыристую мысль, Пэт аккуратно уронил на улицу из окна шестого этажа поднос с чайным сервизом из хрусталя и серебра. Произнеся что-то вроде: «Там всей твоей красоте самое место», – он отправился обратно в «Мэгваер».

Мэри умела принимать судьбоносные решения моментально. И она его приняла. Она уйдет навсегда. Несмотря на все обещания отца, ничего не изменилось. Разве что появился еще один ребенок. И кто знает, когда он начал бы испытывать на мне те дисциплинарные меры по формированию характера, с которыми мой брат был знаком с первых дней? В три месяца? В шесть? Едва у меня появятся волосы, меня тоже можно будет таскать по квартире, как таскали брата.

В ту ночь Мать Мария отправилась в единственное безопасное место, где, она точно знала, нам будут рады, – к своему отцу. Добряк Деннис Бири, бывший полицейский, жил неподалеку, на углу 111-й улицы и Амстердам-авеню. На третий день после нашего переезда на противоположной стороне улицы мы заметили отца. Он наблюдал за домом, надеясь перехватить мать, когда она будет выходить, и помириться, разыграв свой любимый козырь и, как обычно, навешав лапши на уши. Но на этот раз обошлось без лапши. Через три дня мы с матерью и Патриком спустились по пожарной лестнице с четвертого дедушкиного этажа и дворами пробрались со 111-й улицы на Бродвей, где нас ждал в машине дядя Том. Он отвез нас в деревню Саут-Фоллсбург в горах Кэтскиллс, на ферму, принадлежавшую двум друзьям матери.

Там мы прожили два месяца. Мне не было еще и девяти недель от роду, когда началась моя кочевая жизнь. И первой остановкой на моем пути были Кэтскиллс.

Через неделю отец вломился в дедушкину квартиру, высадив двери. Прожженный старый коп, которому было уже семьдесят четыре, не смог его остановить. На следующий день он умер от инсульта. И это тоже можно записать на счет моего отца. Строго говоря, он, конечно, никого не убивал, но отлично умел доводить до смерти.

Деннис Бири приехал из Ирландии и пошел работать в полицию Нью-Йорка, он всегда очень гордился тем, что ни разу не применил оружие. Сильный от

природы, он играл с четырьмя своими сыновьями, выставляя вперед кулак со словами: «Ну-ка навалились и поубивались!» Прослужив в органах семнадцать лет, он вышел на пенсию из-за травм, полученных в драке с уличным хулиганом. За несколько недель до этого он сдал экзамен на звание старшего лейтенанта, и его непосредственный начальник заявил, что, если он хочет повышения по службе, придется раскошелиться на тысячу баксов. Дед отказался давать взятку, а дома пояснил: «Дело принципа. Не хватало еще, чтобы это всплыло!» Мама рассказывала, что, когда мне было всего несколько недель, он рассматривал мою крошечную ручку и говорил: «Будущий окружной прокурор». Извини, дед, все покатилось куда-то не туда. Но мне очень жаль, что я тебя не знал.

Мэри была самой старшей из шестерых его детей, родившихся либо в Гринвич-Виллидж, либо в Челси. В детстве она была очень хиленькой, и, кроме прочих ухищрений, для укрепления здоровья каждый вечер ей давали стакан «Гиннесса». Это помогло. Обретенная в конце концов физическая сила сочеталась в ней с психической выносливостью. Когда ей было десять, она отправила коробку лошадиного навоза девочке с соседней улицы, которая «забыла» пригласить ее на день рождения. Она была маленькой, живой, легко заводила друзей, играла на пианино, прекрасно танцевала, громко смеялась… Не дай бог иметь такого врага. Она четко понимала, кто она и на что способна. Она никогда ни на йоту не отступала от своих намерений. Она никому не давала спуску, будь то клерк, официант или пассажир автобуса. На всякого, кто переходил ей дорогу, обрушивался словесный поток и вся тяжесть Этого Взгляда – оружия такой испепеляющей силы, что от него не поздоровилось бы даже американскому десантнику.

Все это пришлось как нельзя более кстати в ее карьере – за сорок с лишним лет работы у нее было всего пять боссов. Со второй работой ей особенно повезло – это было модное тогда рекламное агентство «Комптон». На дворе стояли «ревущие двадцатые», а она была та еще вертихвостка – гуляла напропалую и динамила без зазрения совести. «Я всегда соглашалась на свидания, но никогда не приходила». Тем не менее при всей разгульности ее образа жизни она вообще не пила, что было совершенно нетипично для того времени, когда у многих печень раздувалась до размеров пляжного мяча.

Пока ее друзья потягивали джин, она поглощала культуру. Она перечитала массу классики, питая особую страсть, разумеется, к трагическим фигурам типа Гедды Габлер, Анны Карениной, мадам Бовари. Не стану утверждать, что дочь

полицейского заразилась культурным снобизмом. В двадцатые годы она практически в одиночку поддерживала на плаву Бродвейский театр, но одновременно питала страсть и к американской поп-культуре с ее легкой гнильцой, совсем как та деревенщина, с которой она пыталась не иметь ничего общего.

Хотя она искренне восхищалась серьезными драматургами, ее тяга к элитарной культуре была лишь одним из элементов амбициозной социальной модели – и, разумеется, частью ее планов на мой счет. Позднее, когда наша жизнь превратилась в сплошное поле боя, она то и дело апеллировала к своим познаниям в литературе. Думаю, что я и читать в детстве не любил именно потому, что она придавала чтению такое значение и норовила ввернуть посреди спора какую-нибудь цитату. Монологи моей матери пестрили перлами вроде: «Острей зубов змеиных неблагодарность детища!» или «Не ведаем, какую сеть себе плетем, единожды солгав!». И все это в мелодраматическом стиле а-ля Сара Бернар. Меня это не впечатляло даже в раннем детстве, однако в таком же духе наши отношения строились всегда. Она упорствовала, я сопротивлялся. Но кое-что упало на благодатную почву – мне передалась ее любовь к языку, безмерное уважение к словам и их силе.

Долгая борьба между Мэри и Патриком подошла к финальной фазе в декабре 1937 года, когда мать получила в суде официальный развод. Патрик был категорически против, утверждая, что он любящий муж и отец. В суде его подвела склонность к мелодраме. В решающий момент судебного разбирательства адвокат матери попросил мою тетю Лил привести в зал суда моего старшего шестилетнего брата Патрика. Отец вскочил с места, патетически раскинул руки и воскликнул: «Сынок!» Патрик сжался, как побитый щенок, и вцепился в мамину юбку. Бинго! Тридцать пять баксов еженедельно!

Платить он, ясное дело, не хотел, и еще два года родители продолжали борьбу через адвокатов, пока отец просто не уволился с работы, лишь бы оставить мать ни с чем. Подозреваю, что алкоголизм тоже сыграл свою роль. Ничем не занятый, отравленный выпивкой, он преследовал нас все агрессивнее. Дочь полицейского, моя мать знала, как защититься. Брат хорошо помнил, как по вечерам, когда мы втроем возвращались из центра и выходили на нашей станции метро на 145-й улице, мать звонила в участок, и до самого дома нас сопровождала патрульная машина. Как правило, на другой стороне улицы маячил отец.

Грустное, достойное сожаления зрелище. Это был заключительный акт драмы, граничившей с трагедией. Дети моего отца от первого брака клянутся, что он был любящим и внимательным, его письма к ним полны нежного радостного чувства. Да и мать признавала, что он умел радовать одним своим присутствием, быть заботливым, романтичным, нежным, веселым.

Он многого добился. В середине 1930-х, на пике своей карьеры, он возглавлял отдел рекламы в «Нью-Йорк пост», в то время входившей в «Кертис групп». Тогда это было солидное, авторитетное издание, а не таблоид. Несколько лет подряд он входил в пятерку лучших продавцов рекламных площадей в стране. Не забывайте, это были 30-е годы, дотелевизионная эра, когда радио еще не утратило своих позиций, а в сфере рекламы доминировали газеты. И в эпицентре всего этого находился Пэт Карлин – его знала вся страна. Сколько лет мать работала, столько ей встречались люди, тоже начинавшие в газетах и преуспевшие в рекламном бизнесе, которые любили повторять: «Всему, что я знаю, меня научил Пэт Карлин».

В 1935 году он выиграл первый приз в Национальном конкурсе ораторского искусства, проводимом Институтом Дейла Карнеги, обойдя при этом 632 других участника. В тридцатые годы он был крайне востребован как ведущий застолий и приемов. В те дни умение красиво говорить ценилось очень высоко. По рассказам матери, был период, когда с учетом зарплаты, комиссионных и ораторских гонораров отец приносил домой тысячу долларов в неделю – столько зарабатывали кинозвезды.

Его программная речь называлась «Сила мыслительного потенциала», она стала лейтмотивом его жизни. Название он позаимствовал у книги Герберта Эдварда Лоу, написанной в 1913 году. У меня до сих пор хранится ее экземпляр с надписью на внутренней стороне обложки: «Это моя Библия. Верните, пожалуйста, Пэту Карлину, 780, Риверсайд-драйв, Нью-Йорк». Вся речь произносилась ради эффектного финала. Завершая свой убедительный мотивирующий монолог, он начинал говорить медленнее и тише, переходя под конец почти на шепот. «Сила… мыслительного… потенциала». Он обводил взглядом присутствующих.

«Все вы… все, кто здесь находится… обладаете ею».

И уже на финишной прямой он буквально кричал: «ЗАСТАВЬТЕ ЕЕ РАБОТАТЬ!»

«Это было мощно», – говорила мать.

Он был сгустком энергии, под стать своей взрывоопасной жене. Их брак в своих лучших проявлениях казался прекрасным романтическим приключением, брызжущим энергией, воодушевлением, искрометным юмором. Мать уверяла, что, когда они поженились, на Мэдисон-авеню говорили: «Это не брак – это слияние». Он прозвал ее Перчиком за горячий нрав, она называла его Всегда Готов за сексуальную неуемность и вожделение. Бывало, она принималась рассказывать мне и Пэту, какой у них с отцом был восхитительный секс, и взгляд ее в эти минуты витал где-то далеко. Отец вел себя слишком раскованно для тех чопорных, благопристойных времен. Мама вспоминала, что иногда он кричал ей из соседней комнаты: «Мэри, это не твое?» А когда она входила, он стоял голый посреди комнаты и держал свой член щипцами для льда.

Однажды мать рассказала мне про тот день, когда он видел меня в последний раз. Мне было всего несколько месяцев. Мы жили тогда у каких-то знакомых, он пришел к ним и начал играть со мной, устроившись на полу в гостиной. Потом взял меня на руки, поднял высоко над головой и, обращаясь к матери, пропел песенку:

Бледная луна вставала над зеленой горой,

Солнце садилось за синее море.

Я набрел на прозрачный хрустальный фонтан

И встретил там Мэри, Розу Трали.

Она была прекрасна как летняя роза.

Но не только ее красота покорила меня. О, нет!

Правда, которая светилась в ее глазах,—

Вот за что я полюбил Мэри, Розу Трали.

На заре их отношений «Роза Трали»[6 - The Rose of Tralee (англ.) – ирландская баллада XIX века о девушке Мэри родом из Трали (городок на юге Ирландии), которую за красоту называли Розой Трали. Перепевалась многими артистами и часто звучала в кино.] была их песней. Я уверен, что это был искренний порыв его большой сентиментальной ирландской души. Но это не сработало. Роза

Трали уже все решила, отец для нее отошел в прошлое. Больше он меня никогда не видел.

В 1940 или в начале 1941 года что-то произошло – не знаю, что именно, но это изменило его жизнь. Наверняка сказались и последствия алкоголизма, потому что, насколько мне удалось узнать, вскоре он устроился помощником на кухне в монастыре Греймурских братьев[7 - Греймурские братья и сестры (англ. Graymoor Friars and Sisters) – францисканская конгрегация западного обряда католической церкви, появившаяся в конце XIX века. Конгрегация также известна как Орден искупления и посвящена Пресвятой деве Марии.] в Харрисоне, штат Нью-Йорк. В письме к дочери Марии – от первого брака – он заливался:

У меня новая работа, теперь я помощник брата Капистрана, который заведует рефекторием[8 - От refectorium (лат.) – трапезная. Термин рефекторий характерен для католических монастырей.]. По воскресеньям я работаю на раздаче, управляюсь с мармитом. В будние дни я слежу, как моется и убирается помещение, которое готовят к воскресенью. У меня своя спальня, ем я то же, что священники и братья, но в маленькой столовой вместе с еще пятью типами на особом положении. Я похудел на тринадцать килограммов, особенно это заметно в талии. Чувствую себя прекрасно – за шесть недель ни капли спиртного, хотя здесь его предостаточно. О да!

Впервые я увидел это письмо в 1990 году, когда мне было пятьдесят три года – ровно столько же, сколько ему, когда он это писал. Но не только эта жутковатая деталь поразила меня. Казалось, на его расположении духа никак не отразилось изменившееся материальное положение. А ведь каких-то пять-шесть лет назад этот человек был на гребне волны, продвигая и применяя на практике силу мыслительного потенциала и управляя при этом небольшим состоянием. Но, видимо, он был из тех, кто воспринимал и оценивал себя, исходя из своих взаимоотношений со Вселенной как таковой, а не с ограниченным материальным миром. Я мог гордиться им. Более того, я уверен, что именно благодаря ему я научился понимать, что на самом деле имеет значение. Между нами существовала связь, причем глубокая. Для меня это редкость.

В конце лета 1943 года он написал из Уотертауна, штат Нью-Йорк, другой своей дочери, Рите, когда получил работу на радиостанции WATN, где продавал рекламное время и пускал музыку в эфир – как и я спустя каких-то тринадцать лет. «И вот, бывалый „пастух“, я уже двенадцать дней отравляю радиоэфир. Я

вернул слушателей, наверное, лет на двадцать назад… Старая кляча снова учится. Я не отступлю, пока не освою все технические тонкости и не выйду на новый уровень». Прекраснее всего был текст, которым, по его словам, он хотел бы завершать свои эфиры (и это в разгар Второй мировой войны со всем ее рьяным патриотизмом):

«Я клянусь быть верным народу Соединенных Штатов Америки и всей той политической хрени, которую он отстаивает. Большие бабки, как и профсоюзные взносы, должны делиться на всех».

Этого мало для полной уверенности, но что-то мне подсказывает, что отец видел насквозь весь тот абсурд, которым цементируется Америка. И я горжусь этим. Если это передалось мне по наследству, то лучшего подарка от него я и получить не мог.

Радио не оправдало его радужных надежд, и через год он переехал в Бронкс, к своей дочери Мэри. Наверняка он понимал, что со здоровьем у него неважно, но скрывал это от родных. Так или иначе, в декабре 1945 года он умер в ее доме от сердечного приступа. Ему было пятьдесят семь лет.

Я помню, как поднимался на холм к нашему дому – мы уже несколько лет как переехали сюда, на Западную 121-ю улицу. До Рождества оставались считаные дни. Я напевал «Джингл беллз» и думал о подарках, которые дядя Билл разрешил мне выбрать еще неделю назад. Упакованные, они ждали меня под елкой: электрический настольный бейсбол, электрический настольный футбол и настоящий кожаный футбольный мяч.

В кухне стояла тишина, и мать казалась серьезнее, чем обычно. Она усадила меня на маленькую стремянку, которая служила стулом (она сохранилась у меня до сих пор), и вручила свежий номер журнала «Нью-Йорк джорнел эмерикен»[9 - New York Journal American (англ., дословно – Нью-Йоркский американец) – вечерняя газета, выходившая с 1937 по 1966 год.], раскрыв на некрологе. Мне достаточно было прочитать его имя, я знал, как выглядят некрологи. Я не помню, что чувствовал. Я просто знал, что брат будет счастлив, а мать вздохнет с облегчением.

Единственное письменное свидетельство о чувствах отца ко мне оказалось у меня в руках лишь много лет спустя. Это телеграмма, которую он отправил моей

матери в мае 1938 года, когда мне исполнился год. Мы не жили вместе уже десять месяцев, но мать так и не нашла работу, и он, наверное, лелеял надежду, что все еще можно исправить. Он писал ей: «Просто хочу, чтобы вы знали, что в этот день год назад я каждый миг страдал вместе с тобой и молил о том, чтобы разделить твою боль, в то время как твои нынешние советчики только безразлично помалкивали. Я благодарен тебе и Господу Богу за то, что этот солнечный лучик пришел в мир, и молю, чтобы он дожил до того дня, когда развеются все эти лживые сплетни».

Он и вправду умел вешать лапшу на уши: молиться о том, чтобы разделить боль при родах, это вполне в духе старика Пэта Карлина. Но он назвал меня… солнечным лучиком.

Его желание исполнилось, хотя в живых не осталось почти никого, кому есть до этого дело. Я не только пережил активную фазу сплетен – под которыми, я уверен, он имел в виду весьма нелестное мнение моей матери о нем, ставшее достоянием публики, – но и дожил до создания этой книги, доказывающей, какое большое сердце и душа были у моего старика.

Солнечный лучик. Подумать только!

2

Святая Мария, мать Джорджа

Присутствие моей матери в траурном зале только усугубило натянутость между двумя лагерями – ее семьи и семьи Карлинов. Она всегда сторонилась родственников Патрика, считая их ирландскими нищебродами, а они, я уверен, видели в ней карьеристку и наглую авантюристку. И были недалеки от истины.

Мечты матери о роскошной жизни долгое время упирались в реалии оплачиваемой работы, но она не могла расстаться со своими замашками и пыталась понемногу воплощать их в жизнь, используя нас с братом для демонстрации своего вкуса. Пэта в детстве всегда наряжали как маленького паиньку – итонские воротнички, короткие штанишки; этим отчасти объяснялось,

почему он так быстро научился драться. Я избежал самого худшего – она уже не могла себе этого позволить, но все равно водила меня стричься в «Бест и Ко»[10 - Best & Co (англ.) – универмаг одежды, просуществовавший почти сто лет – с 1879 года до конца 1970-х годов. Был известен своей «стильной добротной женской одеждой и качественной одеждой для детей».] на Пятой авеню, потому что знала, что именно там «лучшие люди» стригли своих детей. «Лучшие люди» ходили только в «Бест».

Борьба между Мэри и сыновьями вращалась в основном вокруг ее «планов» на наш счет и нашего чрезмерно развитого чувства независимости. Женщина с неистребимыми аристократическими замашками, она была одержима идеей, что принадлежит к «сливкам» нации, в отличие от всех этих ирландцев-нищебродов с их закоренелым пьянством, ленью, сумасбродством и бесчинствами, всеми теми чертами, которые – в той мере, в какой этническая общность вообще что-нибудь значит, – исходят из тех же особенностей национального характера, что делают ирландцев такими славными малыми.

Мать за все бралась с яростью, типичной для ее поколения (она родилась в 1896 году). Уильям Шеннон в книге «Ирландцы в Америке»[11 - Полное название: The American Irish: A Political and Social Portrait (1964). Автор, американский политический журналист и преподаватель Уильям Винсент Шеннон (William Vincent Shannon), работал послом США в Ирландии; книга, давно ставшая классикой, исследует вклад ирландцев в американскую культуру, политическую и социальную сферы.] пишет: «Социальные правила и модели в Америке устанавливаются женщинами, а в Америке на закате Викторианской эпохи те поведенческие стандарты, которые насаждались женщинами, отличались строгостью и жестокостью. К этим стандартам ирландские матери и незамужние тетушки часто добавляли собственные жесткие требования, потому что, зараженные недовольством и соперничеством, они жаждали не только признания и уважения, но и утверждения своего превосходства и непогрешимости». Вуаля! Вот вам и вся суть Мэри Бири.

Она чувствовала, что в моем отце наткнулась на алмаз, скрывавшийся под грубой личиной ирландского простака, и могла бы очистить, отполировать этот драгоценный камень. Типичное заблуждение на этапе ухаживаний. Эта миссия провалилась, и она обратила свои взоры на более податливую «жвачку для рук» – на своих сыновей. Пэт-младший быстро развенчал ее методику. Однажды в нашем доме на Риверсайд-драйв они ехали в лифте вместе с дамой, державшейся с королевским достоинством.

– Какой чудный малыш, – промурлыкала она. – Как тебя зовут?

– Сукин сын! – ответил чудный малыш.

На Пэта мать махнула рукой уже давно, он был «слишком Карлин», отличаясь «мерзким, испорченным карлинским характером», а я в ее глазах превратился в Бири, наследника ее замечательных, интеллигентных предков, «цвета нации». Мою природную мягкость еще в детстве окрестили «чувствительностью» в духе Бири. Она и назвала меня в честь своего любимого брата Джорджа – славного душевного малого, который играл на фортепиано.

(К слову сказать, бо?льшую часть своей жизни Джордж провел в психушке. Однажды в городском автобусе он разделся догола, ему велели больше так не делать, но через два года все повторилось. Поэтому его определили в государственную больницу Рокленда, корпус 17, с диагнозом раннее слабоумие. На День благодарения и Рождество его забирали домой, и он играл на пианино. Однажды в День благодарения он повернулся ко мне и сказал: «Я адмирал. Я плыву из Порт-Саида». Он произнес название как «Порцаид», не разделяя согласные. Я подумал, как это здорово, что, проведя всю жизнь в Рокленде, он воображает себя адмиралом. Но он больше ничего не рассказывал мне о своих морских походах.)

Стратегия моей матери по реализации поставленных целей и достижению материального благополучия включала также тщательный контроль за развитием детей. Речь шла не о каких-то нравственных ориентирах или советах по практическим вопросам, а о своде правил, которые показывали бы ее в выгодном свете, и она могла быть довольна собой. «Все, что ты делаешь, отражается на мне». Она была одержима показухой, чрезмерно зависела от одобрения окружающих, особенно принадлежащих к тем слоям общества, на которые она работала и смотрела с одобрением, – к правящему классу. Ее разговоры изобиловали всякой чушью вроде: «О мужчине судят по его жене», «о человеке можно судить по тому, что он говорит», «о тебе судят по твоему окружению». Судят, судят, судят. Что скажут люди, что скажут люди…

Был еще один способ нас контролировать – через чувство вины, через то, как наше поведение отражалось на ней. Каждым своим поступком мы словно сдавали экзамен, насколько мы к ней внимательны или невнимательны. Она превращала все в спектакль, живописуя свои мучения. Это было непросто: «Я отдаю тебе все». Нет, берите выше: «Каждый вечер я волоку домой кучу

пакетов, все это ради вас, мальчики, я не чувствую рук от тяжести, врач говорит, что меня может хватить удар, ведь у меня давление 185 на 9000, а вы даже мусор не вынесли!» Я знаю, что такими нотациями никого не удивишь, но со мной происходило нечто странное – и меня это пугало. Кроме естественного желания дистанцироваться от родителей, особенно противоположного пола, я испытывал отвращение к ее выходкам и мечтам о моем будущем.

Когда ее брак распался, все пошло прахом – жизнь с горничной на Риверсайд-драйв, хрустальная посуда и прочая хрень. Все словно оборвалось на полпути. Думаю, она хотела, чтобы я закончил начатое ей. Однажды я слышал, как она говорила Патрику, что он ничего не добьется, потому что он Карлин и все такое, но… «А вот из этого маленького мальчика я сделаю человека». И я решил сопротивляться. Я поклялся, что она ничего из меня не сделает. Единственный, кто будет что-то из меня делать, это я сам.

Но она все равно была моей матерью и так или иначе глубоко повлияла на мое творчество – и тем, что передала мне (особенно любовь к словам), и тем, чему я сопротивлялся. А еще она умела смешить, у нее было отличное чувство юмора. Помню, однажды она рассказывала нам с Пэтом, как ехала домой в автобусе. На соседнем сиденье уселся здоровый толстый немец. «Когда этот немецкий бугай развалился рядом, он сделал большую ошибку! Нельзя занимать столько места. Пришлось достать булавку, пригрозить ему и потребовать: „Ну-ка, подсократись!“»

Я никогда не забуду, как рассмешил ее в первый раз. Мне удалось подхватить и обыграть ее мысль, и она рассмеялась. По-настоящему, не так, как смеются над детским лепетом. Я заставил ее смеяться над тем, до чего сам додумался. Невероятное чувство, магическое ощущение своей силы.

Даже после того, как я вырвался от нее – недвусмысленно объяснив, что не дам делать из меня то, что ей хочется, – она продолжала упорствовать. В начале 60-х, когда я выступал по маленьким ночным клубам, она использовала любой повод, чтобы увидеться со мной. Появлялась то в Бостоне, то в Форт-Уэрте, то в Шривпорте. «Я просто хочу проверить, в порядке ли у тебя постельное белье». А я в то время хотел, чтобы меня считали взрослым и независимым, но у меня хватило ума смириться – не убивать же нам друг друга, в конце концов.

А потом она объявилась во время моего медового месяца! Мы с Джеком Бернсом, моим партнером по сцене, работали в клубе «Плейбой» в Майями, а моя

свежеиспеченная жена Бренда жила вместе со мной в мотеле по соседству. И вот она звонит мне: «Мы с Агнес сейчас заглянем». (Агнес – это ее сестра.) Мать и тетка заявляются ко мне посреди медового месяца!

Мэри отлично ладила с Брендой. Даже слишком. Позднее, когда мы жили с ней в Нью-Йорке – я начинал сольную карьеру, и дела шли ни шатко ни валко, – она часто пыталась вбить клин между мной и Брендой. Случалось, я выпивал со своими старыми приятелями, а утром, пока я отсыпался, она давала Бренде двадцать баксов со словами: «Поезжай в центр, пройдись по магазинам, но не говори ему, куда пошла». Лишь бы назло – мужчине, мужу. Полная противоположность старым анекдотам про свекровь.

Как пишет Шеннон, викторианские понятия о хороших манерах бывали бесчеловечны. И дело не только в проверке постельного белья. Мэри наверняка пугала и отталкивала карьера, которую я выбрал, но даже из нее она извлекла все, что смогла. В середине 60-х, когда я стал завсегдатаем у Мерва Гриффина[12 - Merv Griffin (англ.) – американский медиамагнат и телеведущий, автор телешоу «Колесо фортуны». С 1965 по 1986 год выходило его авторское «Шоу Мерва Гриффина», имевшее огромный успех.], она однажды заявилась на шоу и затмила там всех, включая меня. В какой-то мере я до сих пор нахожусь в плену ее понятий об этикете. А в 60-е существовала славная версия меня, в славном костюме, со славным воротничком, славным галстуком, славной стрижкой – и такими же славными номерами.

Когда в 1970 году я решительно порвал со всем этим, распрощавшись с хорошими манерами, ее реакция была феерической, хотя и типичной. Вскоре после выхода моего альбома «FM & AM» она пришла в «Биттер энд»[13 - The Bitter End (англ.) – культовый ночной клуб и концертный зал в нижнем Манхэттене, открывшийся в 1961 году, который позиционирует себя как самый старый рок-клуб в Нью-Йорке.] на Бликер-стрит. Я выступал с номером «Семь слов», и она впервые услышала, как я произношу со сцены «хуесос» и «долбоеб», а люди смеются и аплодируют.

Мэри никогда не была ханжой. Она любила сальные шуточки, но при этом всем своим видом показывала, как ей неловко и стыдно. «Разве я не чудовище? Как я низко пала!» – читалось в ее взгляде, после чего звучала очередная сальность. Но тогда я позволил себе слишком много, плюс я задел самое дорогое для нее: религию и бизнес. Ее убивало, что публика от меня в таком восторге. Но она была безумно счастлива, что я добился успеха. Ей воздалось сторицей. Вот оно –

воплощение тезиса: «Все, что ты делаешь, отражается на мне». Она – мать звезды. «Привет, я мама Джорджи».

А вот еще более красноречивый эпизод. В квартале, где я вырос, на 121-й улице была церковь Тела Христова и школа Тела Христова. Заправляли в ней доминиканские монахини, они были знакомы с Мэри. В мой «приличный» период они узнавали обо мне из телевизора; они знали, что я выпускник их школы, и когда матери случалось заходить к ним, то и дело звучало: «Да, у него все отлично», «Да, я так им горжусь», «Да, вы тоже можете им гордиться».

А потом я переключаюсь на «насрать-нассать-мудак-и-сиськи» и «Бог-ничего-не-может». И однажды, проходя мимо церкви, она сталкивается с двумя монахинями, у которых свое мнение о моей растущей популярности: «У него на альбоме „Классный шут“ только и разговоров про церковь Тела Христова». А Мэри отвечает: «Да, сестры, но неужели вас не возмущает, как он об этом говорит?» А они ей: «Нет, как ты не понимаешь: он хочет донести мысль, что эти слова все равно есть в языке, но они заперты отдельно в своей нише, в маленьком шкафчике. Он хочет, чтобы мы изменили свое отношение к ним». И мать говорит: «О, да-да, конечно». Теперь она в порядке. Все нормально. Насрать, нассать, ебать, пизда, хуесос, долбоеб и сиськи только что получили одобрение Святой Матери-Церкви. Теперь это приличные слова.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Comedy Central – американский кабельный телеканал, специализирующийся на юмористических сериалах и развлекательных шоу.

2

Анальный – тип личности (по Фрейду), которому, в зависимости от особенностей психологической фиксации, свойственны в одних ситуациях – аккуратность, упрямство и бережливость, в других – беспорядочность и негативизм. Сам Карлин в книге не раз называет себя мистером Аналом.

3

Рок-группа, одна из самых популярных команд 1960-х родом из Гринвич-Виллидж. Их музыка отмечена влиянием блюза, фолка, джаза, психоделии и ритм-энд-блюза.

4

Чарльз Линдберг (англ. Charles Lindbergh) – американский летчик, первым совершивший одиночный перелет через Атлантику. В марте 1932 года его сын, Чарльз Линдберг-младший, в возрасте 1 года и 8 месяцев был похищен из дома. После выплаты выкупа похитителям ребенка так и не вернули. Его труп был обнаружен спустя пару месяцев в нескольких километрах от дома.

5

Жесткий дирижабль «Гинденбург», построенный в Германии в 1936 году (самый большой в мире на тот момент), потерпел крушение 6 мая 1937 года в Лейкхерсте, штат Нью-Джерси, заходя на посадку после трансатлантического перелета. В результате пожара, охватившего наполненный гелием каркас, погибло 35 из 97 человек на борту и один человек на земле. Одна из самых резонансных катастроф XX века.

6

The Rose of Tralee (англ.) – ирландская баллада XIX века о девушке Мэри родом из Трали (городок на юге Ирландии), которую за красоту называли Розой Трали. Перепевалась многими артистами и часто звучала в кино.

7

Греймурские братья и сестры (англ. Graymoor Friars and Sisters) – францисканская конгрегация западного обряда католической церкви, появившаяся в конце XIX века. Конгрегация также известна как Орден искупления и посвящена Пресвятой деве Марии.

8

От refectorium (лат.) – трапезная. Термин рефекторий характерен для католических монастырей.

9

New York Journal American (англ., дословно – Нью-Йоркский американец) – вечерняя газета, выходившая с 1937 по 1966 год.

10

Best & Co (англ.) – универмаг одежды, просуществовавший почти сто лет – с 1879 года до конца 1970-х годов. Был известен своей «стильной добротной женской одеждой и качественной одеждой для детей».

11

Полное название: The American Irish: A Political and Social Portrait (1964). Автор, американский политический журналист и преподаватель Уильям Винсент Шеннон (William Vincent Shannon), работал послом США в Ирландии; книга, давно ставшая классикой, исследует вклад ирландцев в американскую культуру, политическую и социальную сферы.

12

Merv Griffin (англ.) – американский медиамагнат и телеведущий, автор телешоу «Колесо фортуны». С 1965 по 1986 год выходило его авторское «Шоу Мерва Гриффина», имевшее огромный успех.

13

The Bitter End (англ.) – культовый ночной клуб и концертный зал в нижнем Манхэттене, открывшийся в 1961 году, который позиционирует себя как самый

старый рок-клуб в Нью-Йорке.

Купить: https://tellnovel.com/karlin_dzhordzh/eto-idiotskoe-zanyatie-dumat

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити